

УДК 94(861):902.2(8)

*Острирова Е.С.
Ostrirova E.S.*

Образ правителя в культуре Тайрона (Колумбия)

The image of the ruler in the Tairona culture (Colombia)

Изучение способов репрезентации власти в культуре Тайрона (Северная Колумбия, XI – XV вв.) основывается на иконографическом анализе, анализе археологических материалов (погребального инвентаря, данных поселенческой иерархии), а также на интерпретации испанских письменных источников. Их анализ показывает, что из-за разделения властных функций между различными социальными группами, единого образа носителя власти не сформировалось.

Ключевые слова: *Тайрона, археология, иконография, вожества, образ правителя*

The study of the forms of the representation of power in the Tairona culture (Northern Colombia, AD 1000 – 1500) is based on iconographic research, analysis of the archaeological data (burials, settlement patterns), and on the interpretation of the Spanish written sources. Altogether these materials show that among the Tairona there was no any monolithic image of the power because of the separation of the power functions between different social groups.

Key words: *Tairona, archaeology, iconography, chiefdoms, image of ruler*

Культура Тайрона – культура конгломерата индейских народов, живших в доиспанское время на территории Сьерра-Невады-де-Санта-Марты (карибское побережье Колумбии).

Сам термин «Тайрона» довольно долго вызывал споры среди археологов и антропологов. Он впервые появился в работе испанского хрониста Антонио де Эррера. Сам он не бывал в Сьерра Невада, и видимо термин происходит из некоего анонимного источника, которым, среди прочих, пользовался автор. Это название относится к долине реки Дон Диего и её западных и восточных притоков, в которой на момент испанского завоевания жило племя тайро, а главный и самый крупный город долины носил имя Тайронака, поэтому и долина часто называлась в испанских документах долина Тайрона (Valle de Tairona). Теперь же под этим названием объединяют индейские культуры западных и северных склонов Сьерра-Невады, а также прилегающей к ним прибрежной полосы [19, p. 18].

ОСТРИРОВА Елена Сергеевна, преподаватель Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва). E-mail: maraveriza@gmail.com

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (госконтракт № 14.740.12.1356 «Эпиграфическое наследие доколумбовых культур Америки: новые подходы в изучении древних цивилизаций»)

Так как исследуемый регион и до прихода завоевателей был зоной постоянных межкультурных контактов, то чёткое выделение характеристик и территориальных границ культуры Тайрона представляется проблематичным. Археологические памятники, датируемые фазой Тайрона и объединённые в единый культурный горизонт, относятся к IX/X – XV вв. Более ранние памятники фаз Неуанхе и Буритака (I тыс н.э.), скорее всего, не были на прямую связаны с фазой Тайрона: в X в. в данном регионе появляется новое население с отличными культурными практиками, ассимилировавшее либо вытеснившее более древних обитателей [11, р. 39-40; 9, р. 60].

Испанские источники XVI в. описывают основные политические центры, которые с большей или меньшей долей вероятности можно отнести к этой культуре – Бонда, Пуэблито, Сьюдад-Пердида (Буритака 200), Сьюдад-Антигуа, Посигейка и др. Особое место в работах испанских конкистадоров и хронистов занимали описания социально-политических структур и военного дела индейцев Тайрона. Это обусловлено тем, что аборигенное население Сьерра-Невада-де-Санта-Марта 75 лет (с 1525 по 1600 гг.) сопротивлялось завоеванию, сумев объединиться против испанцев. Подчинение обернулось уничтожением большинства племён, некогда живших на карибском побережье Колумбии в районе Санта-Марты и склонах Сьерра Невада. В 1600 г. губернатор Санта-Марты дон Хуан Гираль Верон начал истреблять мятежные племена и повесил практически всех вождей. Часть племён (предки современных коги и ика) спаслись от испанцев бегством в глубь горного массива [9].

1. Современные индейские племена коги и ика, унаследовавшие некоторые традиции культуры Тайрона и по сей день живущие в Сьерра Невада, говорят на языках арауканской подгруппы языковой макросемьи чибча, и по лингвистическим данным к этой же семье относилось и доиспанское население Сьерра Невада де Санта-Марта.

Хотя первые раскопки в Сьерра-Невада-де-Санта-Марта были проведены Дж. Альденом Мэсоном ещё в 1920-е гг. [12], систематическое археологическое изучение региона началось лишь во второй половине XX в. и во многом скорректировало представления учёных о данной культуре, основанные лишь на этнографических материалах.

Одной из наиболее дискутируемых проблем североколумбийской археологии является вопрос о форме социально-политической организации изучаемого региона к моменту прихода испанцев. Такие крупные центры, известные нам только по заметкам испанцев, как, например, Бонда или Посигейка, по сообщениям XVI в., были центрами сложных социально-политических образований и управлялись «касиками». Колумбийский археолог и антрополог Х. Райхель-Долматов на основе анализа этноисторических источников пришёл к выводу, что в начале XVI в. на севере и западе Сьерра Невады существовали ранние государства, характеризующиеся сложной структурой общества, наличием аппарата управления (пока ещё не специализированного внутри) и прямой связью между распределением должностей и родственными отношениями. Он полагал, что к XVI в. на этих территориях сформировалось не просто раннее государство, а конфедерация ранних государств со столицами в Бонда, Посигейка и Сьюдад-Пердида [18, р. XVI-XVIII; 8]. Немецкий археолог

Х. Бишоф, наоборот, доказывал, что политики в Северной Колумбии были недолговечными образованиями (никак не государственного типа), и что их нельзя назвать конфедерацией в силу того, что их связывали только торговые отношения [3].

На современном этапе развития колумбийской археологии, прежде всего благодаря проведённым за последние 30-40 лет раскопкам,

политии индейцев Тайрона в IX/X–XV вв. оцениваются как сложные вождества с трёхуровневой иерархией поселений [14, р. 32-43; 15, р. 213-228; 16, р. 113-133; 10, р. 7-12; 20, р. 87-96]. В XV в. территория региона была поделена между несколькими такими вождествами. Власть вождя при этом являлась наследуемой. Также исследователи выделяют следующие факторы вождеской организации Тайрона: имущественное и социальное расслоение, эксплуатация вождём стоящих ниже него по статусу, распределение центром продуктов и товаров входе обмена (этот фактор встречается отнюдь не везде), необходимость объединения в силу военной угрозы и пр.

Для поселенческой иерархии региона Сьерра-Невада-де-Санта-Марта характерна развитая инфраструктура, что свидетельствует о тесных связях между поселениями. Социально-политическая иерархия отражалась в иконографии украшений из золото, камне, кости, в одежде, а также в иерархии погребений [17].

Исследование репрезентации и иконографии власти в культуре Тайрона напрямую связано с вопросами социально-политического развития общества. Основными источниками для изучения проблемы служат сведения испанских хронистов и сообщения конкистадоров [см. 1; 2; 6; 21 и др.], данные археологии (анализ погребений, жилищ знати и ритуальных построек), иконография (изображения на керамике, золотых и костяных украшениях).

Социально-политическая организация индейского общества XVI в. достаточно подробно описана в испанских раннеколониальных источниках, согласно которым у индейцев Сьерра Невады существовала иерархия представителей власти. В хрониках и сообщениях перечисляются следующие должности (или титулы), хотя отсутствуют сведения относительно их отношений и точных функций:

1. *Caciques* (вожди).
2. *Capitanes, principales* (знатные люди), *mandadores* (управляющие), *pregoneros* (ораторы или глашатаи).
3. *Capitanes de guerra* (военные командиры).
4. *Naomas, mohanes* (жрецы или шаманы).

Касики, как и «капитаны» исполняли прежде всего административные и судебные функции. Касики были в каждом крупном вождеском центре, население которого превышало 1000 человек (Посигейка, Бонда, Сьюдад-Пердида, Сьюдад-Антигуа). В больших городах касики могли возглавлять отдельные районы города [18, р. 88]. У тайрона касики также отвечали за отношения с соседними племенами и поселениями, проводили переговоры (в том числе с испанцами на стадии мирных и торговых взаимоотношений), руководили ополчением, хотя существовала и отдельная военная страта. Упоминания о женщинах-касиках практически не встречаются. Ж. Райхель-Долматофф упоминает об одной женщине-касике, имя которой встречалось ему в документах раннеколониального периода, но не совсем ясно, исполняла ли она функции касика или просто была женой выдающегося правителя [18, р. 10]. Правители некоторых городов (прежде всего Бонда и Посигейка, которые чаще всего упоминаются в испанских источниках из-за того, что они возглавляли борьбу с завоевателями на побережье), по мнению конкистадоров, занимали более высокое положение среди других касиков. Особенно отмечается роль касиков Бонда: Райхель-Долматофф цитирует конкистадора Г. Овьедо-и-Вальдеса, который отмечал, что касик Бонды «это Господь всех касиков этой провинции» [цит. по 19: р. 88]. Фрай Педро де Симон, описывая завоевание долины Кальдера, сообщает, что «селений было около 250 и большинство подчинялось касику, звавшему»

ся Гуаканаома, хотя не было ни одного [селения], не имевшего касика или мохана» [21, p. 192].

Наибольшее количество вопросов вызывает соотнесение терминов *naomas* и *mohanes*, так как в испанских источниках они часто употребляются вместе, но различия между ними чётко не определены. И те, и другие исполняли жреческие функции, их могло быть несколько в одном городе. Исходя из сообщений конкистадора Хуана де Кастельяноса, *mohanes* – это жрецы, причём высшие духовные лица [6, p. 549].

Фрай Педро де Симон особо описывает *mohanes*: «Пытаясь понять, что за Дьявол, которому они поклоняются, он говорил много раз только с *Mohanes* и они были самыми важными людьми.

Они, ещё до того, как начать исполнять свои обязанности и входить в транс, должны были как бы держать пост, 16 или 20 лет они каждый день почти ничего не ели кроме какой-нибудь булки и уединялись в лесных чащах или в пещерах, и они не должны были видеть людей, только тех, кто приносил им еду, и если вдруг они видели какую-то женщину, весь их пост нужно было начинать заново...

Пока они так истязали себя, с ними говорил Дьявол, набалтывая им всякую ложь, и если он говорил с ними, народ прославлял их и начинал почитать как наставников.

Когда Дьявол говорил с ними в их хижинах, нужно было потушить огонь, который горел всю ночь, по его приказу, для чего они имели в дверях храма проросшие снопы ветвей пахучих и диковинных деревьев, которые никто не мог срезать, кроме как для этого дела.

И когда Дьявол входил туда, чтобы говорить с *Mohanes*, это была с такой метелью и ураганом, что казалось, что он хотел опрокинуть хижину» [21, p. 217].

Педро де Симон также сообщает о вере в сверхъестественные способности *mohanes*. Один из них приблизился к испанцам и «вещал о победах, говоря, что будучи моханом, он пришёл к испанцам и вернулся от них, так что никто его не задержал и не попытался нанести ему вред» [21, p. 198].

Другой *mohan* пытался использовать свои сверхъестественные способности против испанцев: «Вот что случилось с другим ... : убеждённый Демоном в том, что он придёт к нашему лагерю, и этого будет достаточно, чтобы выгнать нас из этих земель; и он решил сделать это ночью, и вместе с живым Демоном (чтобы тот дал ему сил сделать это) он пришёл к палаткам солдат, и когда подошёл к часовому, тот схватил индейца и привёл его к начальнику караула, где его допрашивали, пока не выяснилась правда, что он связан с Демоном» [21, p. 198].

Ситуация с *naomas* более запутанная. Кастельянос пишет, что они обладали и политической властью, по иерархии стояли выше «касиков» и даже могли им приказывать:

И конечно понятно, что Бетома,
Жестокий человек, седовласый старик,
Которого считали Наома,
Который имел власть над другими касиками.
Собрал он на склоне холма
Тех, кто был из его области,
И в присутствии великого войска
Говорят, сказал следующее... [6, p. 327].

Традиция власти у тайрона не предполагала сакрализацию власти правителя, что не так часто встречается в доиспанской Америке. По сообщению фрая Педро де Симона, наома выступал главным советником Коэндо, вождя Бонды: «Коэндо, касик Бонды (который не смог вы-

терпеть жестокость, когда его схватил Франсиско де Кастро и заковал в кандалы, как мы рассказывали), коего подговаривал Наома, которого звали Макарона, планировал, как не упустить возможность отомстить нам» [21, p. 198].

По этноисторическим данным политическая власть наомас несомненна, но открытым остаётся вопрос об их функциях в религиозной жизни общества. Кроме того, иногда в именах правителей (касиков) поселений встречался термин наома (см., например, вышеупомянутого Гуаканаома в долине Кальдера), что может означать установление родственных связей между представителями административной и духовной власти в обществе тайрона. У современных индейцев коги жреческие функции исполняют *matmas*, а вот термином *naomas* называют всех взрослых мужчин высокого социального статуса [4, p. 308].

В этноисторических источниках особое внимание уделено одежде и знакам отличия у индейцев Сьерры Невады де Санта-Марта как способу визуальной иерархизации общества (по социальному положению, уровню доходов, чину). В нарядах индейцев, живших в то время на побережье, было относительно немного украшений: иногда пояса или набедренные повязки украшались золотом. Одежда и символика украшений индейцев Тайрона горных районов (долина р. Буритака) была тщательнее разработана. По сообщениям испанцев, а также на примере современного быта индейцев коги, можно выделить следующие элементы костюма индейцев Санта-Марты XVI века: 1) юбки и накидки из хлопка со всевозможными рисунками; 2) разноцветные головные уборы из перьев; 3) золотые украшения; 4) множество бус из разноцветных камней [4, p. 308].

Этнографические источники содержат множество описаний индейской одежды. К примеру, в 1581 году Педро де Агуадо записал следующее: «Они очень украшают себя разными предметами и драгоценностями из золота; мужчины носят серьги из золота в ушах, каждая из которых весит 15-20 песо, и носовые вставки, которые вставляются в середину хрящика, который прокалывают для этого дела, и подвешивают туда большие медальоны в форме дисков или полумесяца; на грудь и на тело они одевают разные типы ожерельев из бусин, сделанных из кости, раковин и зелёного камня, который у них высоко ценится, и золотых бусин. Женщины носят почти те же самые украшения, что и мужчины, а кроме того огромные браслеты и браслеты из золота, а на ногах, выше лодыжки или щиколотки, также носят браслеты из костяных и золотых бусин, столько, сколько могут позволить себе их мужья. И то же самое они одевают на предплечья... и хотя у этих индейцев есть какая-то одежда из хлопка, немногие одевают её, потому что в этих землях жарко и им боставляет большее удовольствие ходить нагими, чем одетыми. Все эти украшения и богатства, которые эти индейцы носили, они делали ещё во времена своей свободы, пока не пришли испанцы, а теперь после их прихода, они одевают и носят их, но после стольких лет лишений, они уже не используют их так много» [2, p. 71-72].

Фрай Педро де Симон описывает как обычные костюмы, так и ритуальные костюмы, связанные с праздниками: «Не было ни одного индейца, ни одной женщины, у которых не было бы костюма с украшениями, ушными вставками, ожерельями, коронами, губными серьгами, подвесками из чистого золота и с драгоценными камнями, прекрасно обработанными, нитками бусин. Все девушки носили на теле 4 или 6 золотых обручей, весом в 12 или 15 кастельяно. Их обычное платье было из двух кусков раскрашенной хлопковой ткани; когда они ходили куда-то, они брали с собой веера из перьев или листьев пальмы. В оврагах они своими руками делали помещения для купания. Было у них столько таких

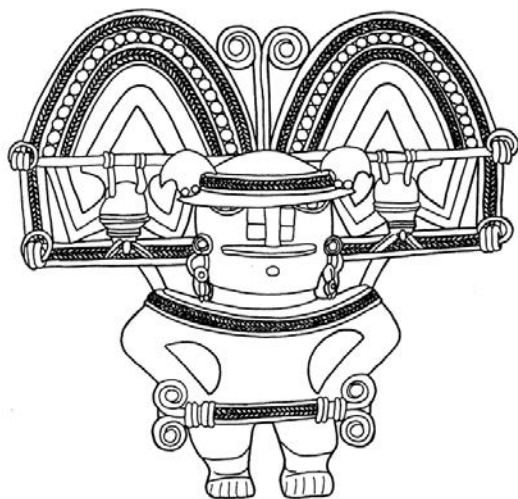

Рис. 1. Золотая антропоморфная подвеска в виде фигурки шамана или танцора (Музей золота, Бота, Колумбия; рис. М. Лупера)

птиц и золотыми диадемами, которые одевались на лоб; на груди они носили специальные нагрудные пластины (в форме солнца), использовали ушные и носовые украшения и расписывали своё тело специальной красной краской – annatto:

С огромными перьями на головах
С диадемами из золота,
И медальонами на груди,
Которые блестят в солнечных лучах,
И с другими золотыми украшениями
В серьгах в ушах и в носу
Самых разных форм и цветов,
И с луками и стрелами в руках [6, с. 325].

Фрай Педро де Симон сообщает: «некоторые самые смелые и те, кто много раз подвергался опасности, носят хвосты и волосы у них спускаются до талии, и это символ их смелости, и между другими их называют отважными» [21, р. 198].

Костюмы правителей (касиков) и «капитанов», а также воинов и шаманов отличались лишь количеством и качеством украшений. Табу на ношение украшений, на использование тех или иных материалов простыми людьми у индейцев тайрона, по-видимому, не существовало. В источниках нет упоминаний запретов на ношение золотых украшений кем-либо, кроме элиты. Это может быть связано, как с образом власти в индейском обществе, который не был сакрализован, так и с тем, что данный регион крайне богат драгоценными металлами.

Таким образом, ювелирное искусство и изделия из золота и тумбаги (сплав золота и меди) были широко представлены в индейском обществе: изделия из драгоценных металлов находят в погребениях, их использовали и используют в своих ритуалах шаманы, ими украшают себя даже простые люди. Блеск в понимании индейцев был и остаётся символом достоинства. При анализе символики одежды и предметов куль-

любопытных вещей из перьев, что невозможно и перечислить: плащи как мошкетеры, розы, цветы, гвоздики, веера, опахала, одеяния, нагрудники, покрытые перьями, и большие mohanes, покрытые ими же и драгоценными камнями, шапочки, ушитые светлячками и одеяния из шкур ягуаров» [21, р. 191].

Ритуальные костюмы индейцев Сьерра Невады также отражены, например на миниатюрных доиспанских статуэтках из кости, которые индейцы коги используют в ритуальных действиях, связанных с летним солнцестоянием и равноденствием.

Отдельно хронистами описывались одежда и церемониальные костюмы воинов. Хуан де Кастельянос, рассказывая о войнах горных районов Сьерра Невада, писал, что они украшали свои волосы длинными перьями

та, как считает антрополог Хосе Оливер, необходимо учитывать, что сочетание предметов с различной символикой для индейцев данного региона - это сложный семиотический комплекс, это система различных символов, подчас имеющих сакральное значение [13]. Украшения (ожерелья, пекторали, медальоны, нагрудные пластины и пр.), используемые в погребальном обряде, могли быть и символами власти, а могли использоваться и как магические амулеты. Большая часть украшений, которые хранятся в музеях мира (прежде всего, в Музее золота в Колумбии и в музейных коллекциях США), были найдены вне контекста либо обнаружены в погребениях и в тайниках.

Погребения – один из важнейших археологических источников. Их анализ также подтверждает социальное расслоение в индейском обществе на пороге завоевания и ранее.

Испанские хронисты уже в XVI веке описывали несколько способов захоронения в Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, включая вторичные захоронения в урнах, сжигание, а также захоронение в склепах, где связанные трупы «усаживались на скамейки» со стрелами и луками в руках; их тела одевались и украшались золотом, бусами из камней, кости, раковин и т.д.; вокруг них расставлялись сосуды с питьём и едой (маисовые лепёшки и пр.). По словам Фрая Симона, «когда человек умирал, тело его скручивали до того как оно остынет, и так они его хоронили... в склепе с его украшениями, женщинами и рабами...» [21, p. 218].

Кастельянос описывает погребальный ритуал схожим образом, хотя не упоминает человеческих жертвоприношений:

И после смерти – долгий плач
И рассказывают они о его деяниях и приключениях;
И хоронили его со многими золотыми украшениями,
Как мы это видим во многих погребениях,
В которых они хранят свои сокровища
Согласно ритуалам и их безрассудству.
И многие выдающиеся люди
Между ними потом почитаются [6, p. 258].

В испанских источниках содержится сообщение о том, что, ища строительные материалы вокруг будущего порта Санта-Марта, конкистадоры в 1529 г. наткнулись на индейское кладбище. Об этом, например, писал конкистадор Гаспар де Эспиноса: «Они нашли около сотни погребений (склепов)...и только в трёх из них обнаружилось 6500 песо золота высокой пробы, после этого они обыскали все могилы, но больше золота не нашли, потому ясно, что золото находилась лишь в погребениях главных правителей (верховных касиков)» [цит. по: 7, p. 301]. Археологические находки XX в. подтверждают мнение Эспиносы. На побережье, в поселении Гаирака, археолог Дж. Альден Мэсон в 1920-е гг. раскопал

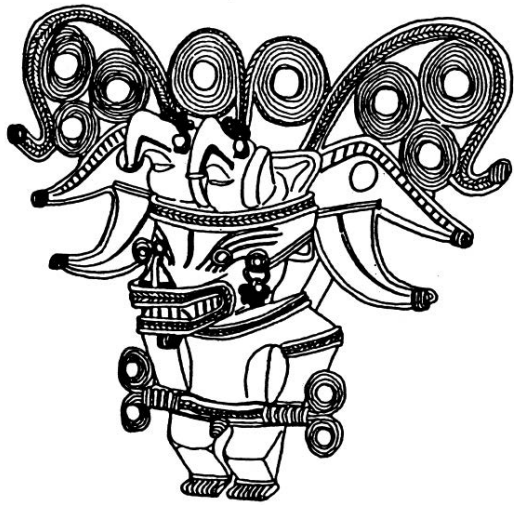

Рис. 1. Золотая подвеска в виде фигурки человека в зооморфном костюме (по [4, p. 319, Fig. 9.2])

Рис. 1. Золотая чеканная нагрудная пластина тайрона с изображением солярного божества или жреца-имперсонатора (по [4, p. 371, Fig. 7.5])

памятники на этой территории были разграблены. Изделия из золота встречаются в могилах и тайниках (под платформами домов, к примеру), они были найдены в Гайраке, в Лос-Наранхос, в Пуэблито, Буритака. В погребальной практике социальное и имущественное неравенство могло маркироваться количеством и качеством украшений и votивных предметов из драгоценных материалов.

На основе материалов раскопок погребений можно отметить следующую особенность культуры региона Сьерра-Невада-де-Санта-Марта: местный характер производства украшений и погребального инвентаря. В отличие от предшествующих тайрона культурных практик, иконография на изделиях из золота или керамике основывалась на местной традиции, элита предпочитала не «перенимать» чужие мотивы. Одной из отличительных черт иконографии тайрона можно назвать фигурки полулюдей-полуживотных в огромных головных уборах (рис. 1, 2). Скорее всего, они изображают шаманов в костюмах для проведения ритуалов (в звериных масках, головных уборах с орлиными крыльями, частью кайманов или огромными спиральными узорами). Военной атрибутики данные персонажи не имеют, не представляется возможным связать этих персонажей с представителями власти, скорее с потусторонним миром, солярными символами и атрибутикой шаманов и жрецов (рис. 3). При этом, по мнению исследователей мифологии современных коги и ика, иконографические элементы могут перемежаться, трансформироваться, менять свои значения и не имеют точной привязки к социальному положению и функциям [4, p. 315-316]. В изображениях людей со звериными чертами исследователи видят тех самых *mohanes* и *naomas* – жрецов и шаманов, которые отвечали за мировой порядок, общение с силами природы и предками, а главное, поклонялись Солнцу. Солнечный культ, а значит и золото, как и культ Земли, был осью мифологии индейцев Тайрона, как и современных индейцев коги и ика. Видимо поэтому, золотые украшения – подвески в виде звероподобных людей – скорее всего изображали не касиков и не воинов, а шаманов, которые были напрямую связаны с культом Солнца.

На современном этапе изучения этнографических источников, иконографии и данных археологии, образ правителей в культуре Тайрона на позднем её этапе развития (перед Конкистой) не представляется целостным. Причиной этого является то, что в обществе Тайрона существовала сложная иерархизированная система распределения властных полномочий, политическая власть была отделена от сакральной, при-

47 погребальных урн, в которых было очень мало металлических предметов [12, p. 25-31], а в погребальных урнах, раскопанных Р. Л. Пересом и вовсе не было золота. Однако современный колумбийский археолог К. Лангебайк считает, что нельзя говорить о принадлежности золотых украшений к символам только лишь высокого социального статуса [9]. Золото встречается отнюдь не во всех погребениях культуры тайрона, датированных X-XV вв., но всё же чаще, чем в предыдущие фазы развития дотайронского периода. К тому же многие археологические

чём, по сообщениям хронистов, шаманы и жрецы пользовались огромным уважением и могли влиять на принятие решений правителями. В иконографии возможный образ носителей религиозной власти – паомас или mohanes – скорее всего встречается на небольших подвесках из золота, которые могли быть как амулетами, так и votivным инвентарём. Материалы погребений, а также описания традиционных костюмов и праздников у тайрона не дают основания для выделения особых традиций репрезентации власти, так как распределение драгоценных металлов, камней, перьев и прочих престижных ресурсов не было прерогативой исключительно элиты и не было монополизировано носителями власти.

Литература

2. Aguado P. de. *Historia de la Provincia de Santa Marta y Nuevo Reino de Granada*. Madrid, 1931.
3. Aguado P. de. *Recopilación Historial*. Bogotá, 1906.
4. Bischof H. *Indígenas y Españoles en la Sierra Nevada de Santa Marta* // *Revista Colombiana De Antropología*. Bogotá, 1982. Vol. XXIV. P. 76-123.
5. Bray W. *Gold, stone and ideology: symbols of power in the Tairona tradition of Northern Colombia* // *Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama and Colombia*. Washington, 2003. P. 301-344.
6. Carneiro R.L. *The chiefdom: Precursor of the state* // *The Transition to Statehood in the New World*. Cambridge etc., 1981.
7. Castellanos J. de. *Elegías de varones ilustres de Indias*. Madrid, 1852.
8. Duque Gómez L. *Notas históricas sobre la orfebrería indígena de Colombia* // *Homenaje al Profesor Paul Rivet*. Bogotá, 1958.
9. Langebaek C. H. *Indios y españoles en la antigua Provincia de Santa Marta, Colombia: Documentos de los siglos XVI y XVII*. Bogotá, 2007.
10. Langebaek C.H. *The political economy of pre-Colombian goldwork: four examples from Northern South America* // *Gold and Power in Ancient Costa Rica, Panama and Colombia*. Washington, 2003. P. 246-278.
11. Langebaek C. H. *The Pre-Hispanic Population of the Santa Marta Bays: A Contribution to the Study of the Development of the Northern Colombian Tairona Chiefdoms*. Pittsburgh; Bogotá, 2005. (*Latin American Archaeology Reports*, No. 4).
12. Mantilla P.C. *Nuevos aportes para el conocimiento cronológico del área Tairona* // *Boletín de Arqueología*. Fundación de Investigaciones Arqueológicas Nacionales. Bogotá, Colombia. 1986. № 1.
13. Mason J.A. *Archaeology of Santa Marta, Colombia: The Tairona Culture*. Vol. 1-3. Chicago. 1931-1939. (*Field Museum of Natural History, Anthropological series*, 20, 1-3).
14. Oliver J.R. *Gold Symbolism among Caribbean Chiefdoms: Of Feathers, Cibas, and Guanín Power among Taíno Elites* // *Pre Columbian Gold: Technology, Style and Iconography*. British Museum, London, 2000. P.196-219.
15. Oyuela Caycedo A. *De los taironas a los kogi: Una interpretación del cambio cultural* // *Boletín del Museo del Oro*. 1986. № 17. P. 32-43
16. Oyuela Caycedo A. *Implicaciones de las secuencias locales y regionales en los aspectos culturales de los Tairona* // *Chiefdoms in the Americas* / Robert A. Drennan and Carlos A. Uribe, eds. Lanham, 1987. P. 213-228.

17. Oyuela Caycedo A. Centralizacion e integracion en la Sierra Nevada de Santa Marta // Boletín Museo del Oro. 1995. № 38-39. P. 113–133.

18. Oyuela-Caycedo A. Late Pre-Hispanic Chiefdoms of Northern Colombia and the Formation of Anthropogenic Landscapes // Handbook of South American Archaeology / Ed. by Helen Silverman and Bill Isbell. New York, 2008. P. 405–428.

19. Reichel-Dolmatoff G. Datos historicos-culturales sobre las tribus de la antigua gobernacion de Santa Marta. Bogota, 1951.

20. Reichel-Dolmatoff G., Reichel-Dolmatoff Al. Contactos y cambios culturales en la Sierra Nevada de Santa Marta // Estudios antropologicos. Bogota, 1977. P. 15-122.

21. Serje M. Arquitectura y Urbanismo en la Cultura Tairona // Boletín del Museo del Oro. 1987. № 19. P. 87-96.

22. Simón P. Noticias historiales de las conquistas de Tierra Firme en las Indias Occidentales. Bogotá, 1892. T. 5.